

18th International
XVIIIe Congress
of Historical
Sciences
Congres
International
des Sciences
Historiques
1995
Montreal
1995

Veniamin V. Alexeyev
HISTORICAL EXPERIENCE AS A SUBJECT FOR STUDY

Вениамин В. Алексеев
Исторический опыт как предмет изучения

Montreal - Ekaterinburg
1995

The discussion of this theme starts with a sacramental question: Does history teach? Our great predecessors, specifically *Herodotos*, "the father of history", considered the **educational function** of history and recommended to learn wisdom, courage and generosity from ancestors. Many generations of historians, writers, artists and musicians applied to heroic and tragic past to praise or condemn it, to find the models for young generation to follow.

Historical knowledge was always used and is used now in political, ideological and religious struggle. This function of history was employed with great sharpness, refinement and even frantic zeal in the epochal confrontation of bourgeois and marxist ideologies. Not only world religions and political forces but small factions, sects, individual politicians and preachers put forward historical arguments.

And could history perform **heuristic function**? There have been always a great deal of doubts about it. The great German philosopher *H. Hegel* wrote: "Rulers, statesmen and peoples receive pompous advice to learn lessons from experience of history. But experience and history teach that peoples and governments never taught anything from history and did not act in accordance with precepts they could have drawn from it". Hegel was right. It is true, that for a long time social practice did not claim historical knowledge and necessary conclusions were not made.

Such situation can be explained both by objective and subjective reasons. **The main objective reason** is that historical processes are extended in time. One cannot always correlate causes and effects precisely. Besides, this is complicated by personal traits of historical actors and contingencies. The subjective reason lies in the limited man's capability to learn lessons from the past due to insufficient readiness to this and unwillingness to take into account "superfluous", as they might seem, factors. Yet, only the past is eternal. It may be more significant for elaborating decisions than momentary collisions.

With the complication of political and social relationships, especially with the shift from traditional society to the industrial one, a demand arose for consideration of historical roots of many phenomena. Some eminent thinkers came to the conclusion that it is necessary to use historical knowledge in the present-day social practice. "History is everything for us, - wrote E.Engels, one of the founders of marxism, - and we value it higher than any other previous philosophical teachings did." This was developed by Russian marxists *G. Plekhanov* and *V.Lenin*. The former stated categorically: "The future can be foreseen by those who had understood the past". The latter said: "One cannot learn how to solve the tasks of today with new methods if the experience of yesterday did not reveal erroneous old ones".

Not only marxists share the analogous point of view. The prominent Russian historian of the late 19th - early 20th centuries *V.Klyuchevsky* stated: "History teaches even those who does not take lessons. It punishes for ignorance and disregard". In the early 20th century *N.Berdyaev*, one of the most original Russian religious philosophers, reflecting about philosophy of history, wrote: "If there would be no way for an individual to have an access to the experience of history, how poor, shallow and mortal in all its substance would be a man" In the middle of our century the eminent German philosopher *K.Jaspers* formulated an idea that "the present accomplishes on the basis of historical past, the impact of which we feel inside us". He stressed the need to consider historical experience, its transmission and role of generations in this process.

To the end of the 20th century, when many aspects of human activity have become more and more complicated, many questions of the past, present and future entangled in a tight knot as they never had before, reflection over historical experience of the previous development, the search for the roots of the present-day troubles in it, alternatives of development and spiritual renaissance became very acute. On the one hand, the time when a man was limited with the romantic perception of history, meditation about the usefulness of its traditions, their exploitation in religious struggle and ideological battles had gone. Now it seems to be an idle thing to look at the past "indifferently harking to the good and evil". Instead, it should be thought over, its influence on the present and the future exposed making possible to draw positive and negative lessons. On the other hand, modern

science has progressed so far in comparison with Herodotos's or Hegel's epochs that it is high time now for it to provide qualified answers to the questions raised. But the trouble is that if natural sciences had already entered the 21th century, social sciences - due to the long ideological confrontation - got stuck on the threshold of the 20th century. Here from comes an enormous gap between technical and social progress, which put our civilization on the verge of survival.

Having no possibility to report for all social sciences, we'll dwell upon **"the debts of history"**. From our point of view, it stayed too long at the stage of description while other sciences, even the allied geography, applying widely modern methods, has turned to the analytical, prognostic function. Historical science can perform such a role basing on new paradigms and using new set of instruments, including study of historical experience and introduction of its results in social practice.

It seems to us quite appropriate that thinkers of the antiquity and the Middle Ages wrote about **precepts of history** and in the 20th century the idea of **historical experience** was put forward. Here is the right place to raise the question about correlation of historical knowledge and historical experience. It is interesting that an attempt to provide an answer to the questions raised was done in Russia on the eve of the "perestroika". Then, on the pages of the journal "Questions of History of the CPSU" a big discussion was published. It illuminated both strong and weak sides of Russian historiography. In the final analysis, the discussion did not produce the results that had been sought for because it came to the attaching absolute significance to the experience of the Communist Party of the Soviet Union and substitution of Russian and world laws of historical development by historical-party dogmas. In the stream of growing changes, followed by the collapse of the party and the state, the discussion was closed without any final results.

Meanwhile, the problem of the study of historical experience is still important for Russia, viewing the current difficult period in its history. The question is: either to follow blindly the old route, holding someone's tail, and spending enormous quantities of human energy, natural and financial resources, leaping, moving backwards, making zigzags. Or to learn lessons from our great history, correlate it with values common to all mankind and basing on this elaborate optimum ways of development.

Let's go back to the question of principle: **how do volumes of concepts "historical knowledge" and "historical experience" correlate.** One should not equate them spontaneously. Having the same objective base in a real historical process, these categories presuppose different purpose approaches to its understanding and therefore different results of investigation. Historical experience can be considered as a component of historical knowledge, retrospective assessment of the past in its relation to the future development and to the results of this development viewed from the position of the modern social practice. Such approach provides a possibility to reflect historical situation not merely as a happened fact but as a complex probable correlation between a possibility and reality, between the past and the present. This means to study alternatives, objectively existing in the historical process, positive and negative decisions, progressive and regressive tendencies, and their possible manifestation in the future.

To illustrate the idea we will list several concrete examples. From the point of historical knowledge it is important and interesting to follow all peripeteias of the Roman Empire's collapse. But from the point of historical experience the main tendencies typical for power of the empire and its fall are significant, because we may correlate them with the situation in other states, making conclusions concerning the pattern of disintegration and sequence in its mechanism action. Basing on this we may make prognoses of analogous situations. We should stress that the researcher of historical experience is least of all interested in ideological or historiographic traditions concerning the assessment of the happened. Technology of the process, its mechanism, driving forces, time limits - are essential factors important for him. Or let's take another example, also from the Roman Empire - gladiators struggle. Not numerous accessories but the psychology of violence, tactics of its cultivation and repulsion are important. Another kind of example. Technology of stone tools production by primitive hunters or the tactics of Ermak's troops in the conquest of Siberia are hardly interesting for the conception of star wars. But both of these are important for the study of adaptation of a man to environment. Here from comes the main conclusion - in contrast to historical knowledge, the practical result of the research is first and foremost necessary for the historical experience.

No universally accepted definition of the concept "historical experience" exists. Quite often it is identified with historical knowledge or comes to

ideological cliché. To go out of the vicious circle of tautology we should take as a base clear starting parameters. They could constitute a conceptual base of the definition. Aiming at this we suggest to discuss historical experience as: an objective reality of historical process, reflected in a human mind, in those part of this reality that directly relates to modern problems; - a concentrated expression of social practice of the past; a system of regular trends, reflecting functioning of socium in the environment; succession of knowledge and skills of generations.

In connection with the first point we may recall *F. Braudel's* statement who considered history to be "first of all an answer to the questions raised by each new generation". This is not conjuncture at all but a realistic appraisal by a prominent contemporary historian of new generation's reflection about its position in life. In the same context consideration must be given to *V. Lenin's* recommendation to concentrate the attention "not primarily on the description of our past but on the directions of the experience we got and should get for our direct practical activity". If Braudel emphasizes claims that contemporary situation lays for historians, Lenin suggests a practical approach to realization of these claims. From our point of view, the second and the third points do not need any special proves because primordially the question here is historical experience of the socium and its relationship with environment but not the history of nature and technic.

The fourth point fixes the bearer and translator of historical experience. Even the founder of the class theory *K. Marx* assigned this part not to a class or a party but to a natural human generation. According to him, each new generation, on the one hand inherits and develops experience of the previous one, that is "continues the activity it inherited under totally changed conditions, and on the other hand, it changes old situation by absolutely changed activity". Such approach not only defines a subject of historical experience but characterizes the dialectics of this experience translation, emphasizing the role of the masses in history.

Synthesizing the aforesaid we may conclude that **historical experience means a succession of knowledge and skills of generations, concentrated manifestation of social practice of the past and functioning of socium in environment, which is directed toward the exposure of regular trends of social development, acquirement of knowledge providing the higher validity for modern problems solution.**

The typology of historical experience centers around time, place and subject of the event. A time-based typology could be built from a specific historical event to the historical epoch. Division into periods based on civilizations and formations are most adopted. A place-based typology is the same broad - from the specific region to a part of the world. Most often natural- climatic zones or countries are used. A subject-based typology is even wider - from a person and a group to a specific culture, state and class. Big difficulties for a complex typology originate from the situation when for the study of the experience one has to take an object placed at a cross of these three coordinates.

In this context it is appropriate to turn our attention to its simplified variant - the experience in a broad and narrow sense of the word. Historical experience in a broad sense refers to world, civilizational or formational regular trends of development of specific states or group of states. Historical experience in a narrow sense primarily deals with local- historical processes, limited in time and space. It is quite often that historical experience both in a broad and narrow sense of a concept by the nature of its dialectical unity becomes entangled, and local-historical experience under some conditions grows into world-historical. Hence, studying local experience, a historian does not merely analyze common and specific features but sometimes comes to general historic trends.

Historical experience is properly multi-functional. **From a wide aggregate of functions we analyze primarily three: expert, comparative and prognostic**, being currently central. **The expert function** presupposes an assessment of level of development of a state, region, institutional structure or man associations as a matter of their conformity to modern demands; exposure of unused alternatives of development and forms of activity that have justified themselves, as well as negative factors; understanding the roots of recent and distant erroneous decisions, different sort of remnants hampering the progress. In aggregate such approach makes possible to formulate long-term trends of development, consider general forms of their manifestation, show the reasons of stability or the break in the settled forms of activity, follow how the population reacts to the preservation or destruction of the old forms of vital activity and introduction of the new ones.

The comparative function should provide the comparison of the level, ways and methods of development of the objects under comparison, both at

home and abroad, with the purpose of consideration and adoption of experience of the neighboring and distant territories. Such convergence of experience is of fundamental importance, especially for the backward countries and regions. Besides we have to compare sometimes appreciably varying natural-climatic, socio-political and time situations. What counts is to exposure and adapt in a right way precious grains of the experience.

The prognostic function of historical experience closely relates to the two preceding and originates from them. It is the most crucial, complicated and less practiced in action. Nevertheless, precedents of successful socio-political prognoses exist, based on a profound knowledge of the fundamental trends of historical process development. There are the situations that in the overwhelming majority of cases can have only one decision. They should be considered, thoroughly calculated and forestalled in good time to minimize negative results.

And now let's illustrate the above-listed functions with the concrete historical material. One the one hand **the expert function** can be illustrated with countless examples and on the other hand many seemingly well-known facts should be run through it to have a fresh look at them and put into good use. The broader is the historical spectrum of an examination the higher is the level of generalization. More than that, according to Jaspers: "Only history of mankind in a whole can provide a scale for comprehension of what's going on in the present". At first sight this is unfeasible task. But taking into account that only a hundred of generations has passed over the course of the known history of mankind, which did not change much in its biological and psychophysical characteristics, we may consider it conceptually possible to solve.

Considering variety and specific manifestations of historical experience of social development it emerges yet that some regular trends with some corrections act relatively constantly. Among these are: the interaction between society and nature, productive forces and relations of production, the interrelations of generations and political regimes, between level of well-being and culture.

We'll try to follow this with Russian cases, departing from the hottest issues of the recent "perestroika" and present-day reforms. The concept "perestroika" itself appeared in Russian political lexicon long ago. *V.Klyuchevsky* in his "Course of Russian History" stated that it started in

our country in the 15th century and had passed through several stages, the essence of which was in struggle between the dying national traditions and western innovations. He also warned: "The nature of our country with all its apparent simplicity and monotony is notable for the lack of stability: it can be relatively easily moved off balance". In practice this happened many times, many regions experienced ecological crises. Reduction of woods and reckless ploughing up of fields put many ethnic groups on the verge of ecological catastrophe. If soviet politicians and economists have had the real knowledge of this sorrowful experience, they would hardly approve the unreasoned development of virgin lands, extermination of woods and reservoirs in the 20th century.

In the interaction of the productive forces and relations of production **market** comes to the forefront. Present-day hot debates about it would be more profitable if Russian historical experience would be thoroughly considered. Opposite to Western Europe, here we have always had a strong state principles in the control over economy and, what else is very important, a natural, non-commodity in its essence economy predominated. Stalin's order system broke volitionally the forming market, but we should take into account that serious natural-historical prerequisites existed for this, prerequisites that should not be disregarded even now.

Progress in Russia was often propagated by force, by revolutions from the top, that often were no less bloody than from the bottom. After some time they were followed by deep stagnation. This calls into question the efficiency of such political practice. One need only to recall reforms of Ivan the Terrible, Peter I and Stalin to leave no doubt. It is not easy to explain such a phenomenon.

Probably we have to take into account the medial position of Russia, one of the largest world powers, at the meeting place of two civilizations - European and Asian - and the necessity it was constantly faced with of providing a rapid response to any change either in the East or in the West (the buffer effect). Apart from this, the situation was compounded by the inertia the vast country with a variety of natural-climatic and socio-economic conditions had fallen into and the rather low level of political and cultural development of a considerable portion of its population.

The Soviet researcher *A. Ahiezer* notified that long existence of typologically different civilizations on the territory of Russia resulted in

permanent split of the society as a consequence of chronically unfinished modernizations. The split acts as an ethnocultural conflict indicating existence of several subcultures possessing its own values, gravitating toward different ways of social development. As a result, the society dashes from one extremity to another, getting into historical impassable roads and dooming its members to permanent reproduction of poverty and devastation. There is the situation when a crisis of backwardness changes for liberal reforms followed by total crisis which in one way or another degenerates into dictatorship.

It is widely known that political superstruction in Russia was based for centuries on powerful bureaucratic machinery. On the one hand, this is the sequence of weakness of economical and legal control levers, and on the other - the people's habit to forced labor (to a supervisor), starting from the tatar-mongol yoke, through the system of serfdom and toward Stalin's not-economical compulsion. Deeply rooted obedience to the administration till nowadays fetters creative forces of our people, its initiative and business gumption. Obviously, one should seek for the roots of soviet "vedomstvennost" (officialdom) not in the bolsheviks' narkomats (people's commissariats) but much deeper. Already in Peter the Great's epoch Ambassadorial Prikaz (Department), Account Prikaz, Bread Prikaz, the Prikaz for Secret Affairs existed. All these resembles very much the Agroprom, KGB and other communist organizations.

It was noted that crucial changes in Russian history have an interval of 20-30 years: 1801 (the murder of Pavel I and principal changes in home and foreign policy), 1825 (Decembrists' revolt), 1856-1866 (preparation and realization of bourgeois reforms), 1881 (beginning of counter-reforms), 1905-1907 (the first Russian revolution), 1917 (the February bourgeois and October socialist revolutions), 1937 (Stalin's repressions), 1953-1956 (Stalin's death and beginning of destalinization), 1982-1985 (Brezhnev's death and the start of the "perestroika"). So it correlates with the succession of generations, that can be explained by authoritarian character of political regime, when one generation of leaders was replaced by another. In the countries with big democratic traditions such drastic fluctuations are not observed. Still, one cannot but take into account a "one generation" historical interval.

Grievous parallels could be drawn between the criminality of the early and the late 20th century. Provisional Government, having released

hundreds of thousands prisoners did not guess that many of them will quickly adapt themselves to the new regime, will flow into it. The criminals who have recognized the Bolsheviks, rooted themselves into the party and even into the Cheka (Extraordinary Commission). Those who did not do that were killed by the same Cheka. So the political and the criminal amalgamated. Some of the brigands became officials and some officials became brigands. Something like this happens in the present-day Russia.

Facing Russia from geopolitical standpoint we should note that in the considerable part of its history it served as a counterbalancing force not only in Europe but also in Asia. Calling it the gendarme of Europe, Soviet historians cast aspersions on the fact that mostly thanks to its influence peace was kept in Europe during one hundred years (1815-1914) (except for short outbreaks of wars, which again were localized with its help). According to *I.Ilyin's* definition, even the asiatic rivalry between Russia and Great Britain was the most paradoxical "cooperation in the world history". Why it was so? Simply because by V.Klyuchevsky's estimate, the previous two third of its history Russian people was at war, fighting for its sovereignty against aggressive neighbors from the East and West and at the same time occupying accommodating landscape of the Eurasia, hampering economical and cultural growth of the country. A similar situation was in the mid 20th century when having broken down German and Japanese aggression, having achieved military parity with the USA, Russia objectively contributed to the world balance of forces that was upset with the collapse of the Soviet Union what is fraught with unpredictable consequences.

The indisputable conclusion follows from the examples given: On the threshold of big socio-economical reforms we should not only understand their timeliness and conformity to the world practice but estimate correctly our own previous experience, historical conditionality and reasons that make phenomena that we are going to eradicate that firm. Otherwise they will be reproduced again and again. With the same thoroughness we should regard the care of positive experience.

The comparative function of history could be best traced in the long waves of historical time. *K.Jaspers* in his conception of the axial time (800-200 B.C.) clearly demonstrates this. He compares a synchrony in the principal historical processes in India, Iran, China, Palestine and Greece which make themselves evident even in our time in the life of many peoples,

first of all in religions which still affect deeply all sides of life of the population on our planet. Conclusions inferred from the great geographical discoveries, formation of centralized states in Europe, shift from traditional to industrial society can be viewed from the same standpoint. The latter is especially important because up till now it determines fundamental parameters of life of many countries and peoples. Not separate facts or phenomena and names are important here from the standpoint of historical experience but general regular trends in the processes, simultaneously developing in different countries. This makes possible an estimation of positive and negative experience, understanding its influence on the ensuing development, obtaining a possibility to exchange it.

At every historical stage, in every country, in each specific affair a need for comparison exists, for correlation of the present results with analogous in other epoch, country, actor, in order to verify the correctness of the chosen path, and if necessary, to borrow better solutions from a neighbor. Some of such urgent tasks in the present-day Russia are: an optimum state system, conforming to the expectations of the people and modern realities; efficient economy, considering peculiarities of geographical position and previous stage of the country's development, compatible with the world standards, spiritual renaissance of the people, based on national mentality and achievements of the world culture. The most success in a solution of these questions can be gained only by making the best use of our own and world experience. Hence, we cannot evade comparative studies.

It is not easy to verify the prognostic function of historical experience because we got accustomed that the happened never repeats, it belongs only to the past but not to the future. But if to look at this from another point of view - whether all alternatives are already exhausted by now? Could some of them find its way in new conditions? Much can be determined in case of the correct and opportune answer to this question, which has the meaning of the prognosis. A good example of this kind is the problem of individual labor activity, market and money-commodity relations, struggle with feudal and capitalistic survivals in the USSR. All these, that for three quarters of a century were considered to be gone never to return, we are watching restored with new strength. Apparently there was no other way because the mentioned categories are not overcome by the mankind. Sooner or later they should have shown up despite all

administrative bans. There are plenty of such or similar phenomena in Russia and other countries. We should be aware of them, foresee them not to be caught napping, in due time answer the question: what possibilities and threats for modern development does the past contain?

The reader has the full right to ask: Do concrete examples of historical prognoses exist? Yes, they do. The prominent German philosopher *O.Spengler* called himself the first man who had worked out such a prognosis. In 1835 an American *A.Tocqueville* wrote: "Now two great nations exist in the world. Nations that started from different points are approaching, apparently, one and the same goal: these are the Russians and the Anglo- Americans. Both have grown imperceptibly. And when eyes of the peoples looked in the opposite direction, they unexpectedly occupied the place in the first row among the nations, so that the world learnt about their emergence and their power...for one of them the liberty is the main mean for action, and for another - the obedience. Their starting points differ; and in the same way each of them is destined, apparently, by the secret will of Providence to hold someday the fate of a half of the world in its hands". This foresight came true by the middle of the next century. Less than in a one third of a century *F.Engels's* warning about the danger of the first world war proved to be correct.

Tragic prophecies about the fate of Russia in the 20th century became a reality. In the 1880s Russian philosopher *K.Leontyev* prognosticated the future revolution in Russia which according to him should be of communist and not liberal character. It would precipitate liberal-bourgeois intelligentsia, Russian communism would carry along peoples of the East and start extermination of bourgeois world of the West. Feeling the inevitability of such development of the events, the soothsayer suggested the Russian tsar to introduce communism from the top. Historian *V.Klyuchevsky* was right, saying that Aleksei (the son of the last Russian Emperor Nicholas II) would not govern. The abdication of Nicholas II for himself and for his son, followed by the death of the Romanov dynasty in 1918 became a prologue to the most horrifying bloodshed in Russian history.

At the turn of the centuries *V.Lenin* substantiated a possibility of socialist revolution's victory in a separate country and corroborated it in practice with the coup in October 1917. *G.Plekhanov* proved impossibility to build a real socialism in it. *L.Tolstoy* warned that if the faith would be ruined in Russia, it would turn for years into the realm of money, vodka and

lechery. This exactly happened when the faith was ruined twice - first the faith in the Orthodoxy and the tsar and then - in socialism and communism. These prognoses did not apply modern scientific tools but they were based on the solid ground of Russian historical experience.

Prognoses relating to the middle of our century made by the prominent Russian theologian *I. Ilyin* strike with their deep realism. We'll adduce one from the sphere of the home policy and another from the foreign policy. In the first case he warned: "...if something can strike Russia after communism, new, very grave blows, these are the persistent attempts to install after totalitarian tyranny a democratic regime. For this tyranny has already undermined all the necessary prerequisites for the democracy in Russia. And without them nothing can exist but disorderly conduct of the mob, total graft and mercenariness and coming to the surface of new and new anticommunist tyrants, like it was in the ancient Greece during Peloponessian wars, in Rome in the epoch of so-called "caesars"... and in Italy in the epoch of the Renaissance with its fierce "condotiers", devoid of patriotism, honor and conscience..."

In another case *I. Ilyin* emphasized that the post-communist dismemberment of Russia "will become unprecedented political adventure, which disastrous results mankind will carry for long years...in our epoch all the universe will be involved in this process. Russian territory will boil in countless discords, collisions and civil wars which will be permanently transformed into world clashes". According to his estimations in this case "up to twenty separate "states" will emerge, having neither indisputable territories, nor authoritative governments, nor laws, nor jails, nor army, nor unquestionable national population. About twenty empty names. But the nature does not tolerate vacuum. Hence, human depravity will pour into these emerged political holes, in these vortexes of separative anarchy: first of all, adventurers under new names, disciplined by the revolution; second, hirelings of the neighboring countries; third, foreign seekers for the adventures, condotiers, speculators and "missionaries". (Reread Pushkin's "Boris Godunov" and Shakespeare's chronicles). "It is neither wise, - sums he up, nor prescient. Hastily in the hatred, and hopeless for ages. Russia is not the human dust or chaos. It is first of all the great people which did not squander its force and did not despair of its mission. This people is thirsting for the free order, peaceful labor, ownership and national culture. Do not

bury it ahead of time! The time will come, it will resurrect out of its imaginary grave and will claim its rights back!"

Successive employment of the functions discussed above, and eventually the synthesis of their methods can provide a high level of study of historical experience in various spheres of human activity. In so doing we must keep in mind that no abstract, fixed for ever experience suitable for all cases exists. It perpetually enriches, modifies, differentiates itself with the evolution of mankind.

The viewpoint from which the preceding experience is comprehended varies with the change in priorities of social development. The ancient culture was the base for different sort of adoptions in the period of Renaissance and in later epochs. Russian decembrists highly estimated the experience of the American constitution and tried to adopt it to the early 19th century's Russia. And the bolsheviks, a hundred years later, rejected it as a passed stage of bourgeois development. Modern Russia again directs its attention to it, accumulating experience of parliamentarianism.

Hence it follows that a necessary condition of investigative procedure is the analysis of specific historical experience, correlated with the conditions of the place and time, specific subject and real level of social possibilities in specific historical epoch. Uncritical extension of modern views about possibilities of the society to the previous epochs could result in modernization of historical process, incorrect assessment of the very content of historical experience. And quite the reverse, the attempts to apply approaches used in the past without taking into account the cardinal change in conditions of development, will inevitably have an artificial, abstract from the real problems, character.

Lessons of history are a means for assimilation of the experience. They make possible to obtain further insight into the past, its positive and negative results, association with the present, impact on the future. For a lesson of historical experience to be an object-lesson, it, opposite to historical knowledge, putting the questions what and who, when and where? (what happened, who did it, where and how did it happen?), must provide answers to two main questions: why and how? (why did it happen in this way and not in the other, how did it reflect on the present and will it influence the future?). Hence, historical experience goes from the knowledge about the fact and the event to historical regular trend. Historical knowledge is limited

with the explanation of phenomena and tendencies of historical process, while historical experience poses the problem of stable regular trends revealing of this process, mechanism of its action with the purpose to consider them in the practice of betterment of the present and the future.

The procedure of drawing of the lessons of historical experience presupposes a correlation of objectives and results of the activity, an estimation by a subject of optimum concrete choice of purposes of development and means for their realization as well as the extent to which they are adequate to social requirements that cannot be put off. The structure of the subject for study of historical experience depends on specific object. The tasks of its study presuppose revealing of social requirements of development; characteristics of the process of comprehension of these requirements; choosing the purposes of development; elucidation of means and tools for these objectives meeting; study of activity on regulation and control over this development; estimation of the results, principal tendencies and stages in development, assessment of proficiency of control over these processes.

Results of study of historical experience can take shape of monographs, analytical reviews for interested organizations, special models. Yet creation of models is difficult because the historical process is unique and historical time is irreversible. It is important to take into consideration that historical experience can't give ready formulas for modern times. As a rule its generalization presupposes the tapping of analogues of positive and negative ways of solution of specific problem rather than making direct parallels, or application of previous models of social activity. From this point of view the detection of regular relations between historical phenomena, determination of character of interacting forces of historical process at different stages are of specific interest. On this basis it is possible to assess means and mechanisms of progressive social changes as well as the factors effecting the departures of results of activity from initially planned objectives.

The work on the study of historical experience due to its untypical character, scale and promptness demands **new organization**. It cannot be limited with traditional writing of master of sciences' or doctor of sciences' dissertations in accordance with the old Pimen's principle "another story, the last one, and my chronicle will be finished". Our 15-years long experience of research in this field demonstrates that the program-objective approach offers the greatest promise. Based on it a scientific-research pro-

gram "Historical experience of regional development" was elaborated. During the last six years it has been realizing by the Institute of History and Archaeology of Russian Academy of Sciences (Ural Branch).

A series of specific research projects originate from the program. Of special interest are: comparative historical study of social organization of Russian and Swedish metallurgy in the period of Proto-Industrialization, historical experience of the Russian Cossacks in colonization of the Asian Russia, social- cultural development of Russian North. A start has been made on a new big international project, devoted to comparative study of Russian and European regionalism. Three academical institutions and two universities participate in its elaboration. Forces of historians, economists, jurists, sociologists, ecologists are united in it. At the interfaces between sciences the most interesting results which are of great importance for modern Russia are expected.

In the situation of the global crisis that modern mankind experiences, when dangers and possibilities for its self annihilation are extremely high, historical experience may become an important factor for survival as long as it accumulates the wisdom and tragic mistakes of preceding generations, peoples and even civilizations that became victims of its great past ignoring. In this context historical experience can be likened to a driver in a modern car - it goes in a forward direction but always looks in the back-view mirror.

Раскрытие этой темы начинается с сакраментального вопроса: учит ли чему-нибудь история? Наши великие предшественники, в частности "отец истории" *Геродот*, признавали за историей **воспитательную функцию** и призывали учиться у предков мудрости, мужеству и благородству. Многие поколения историков, писателей, художников и музыкантов обращались к героическому и трагическому прошлому с тем, чтобы восславить или осудить его, найти образцы для подражания молодому поколению.

Исторические знания использовались и продолжают использоваться в политической, идеологической и религиозной борьбе. С особой остротой, изощренностью и даже ожесточением эта функция истории применялась в эпохальном противостоянии между буржуазной и марксистской идеологиями. Исторические аргументы пускают в ход не только мировые религии и крупные политические силы, но и мелкие фракции, секты, отдельные политики и проповедники.

А может ли история выполнить **эвристическую функцию**? На этот счет было и остается много сомнений. Великий немецкий философ *Г. Гегель* писал: "Правителям, государственным людям и народам с важностью советуют извлекать поучения из опыта истории. Но опыт и история учат, что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из нее." Гегель был прав. Действительно, исторические знания долго не востребовались социальной практикой, из них не делались нужные выводы.

Такое положение объясняется как объективными, так и субъективными причинами. **Главная объективная причина** заключается в том, что исторические процессы растянуты во времени, не всегда удается точно со-

отнести причины и следствия, которые к тому же еще осложняются специфическими чертами характера исторических деятелей и случайными обстоятельствами. **Субъективная причина** кроется в ограниченности возможностей людей извлекать уроки из прошлого в силу недостаточной подготовленности к этому и нежелания принимать во внимание казалось бы "лишние" факторы. Между тем вечно лишь прошлое. Оно может оказаться более существенным для выработки решений, чем сиюминутные коллизии.

По мере усложнения политических и социальных отношений, особенно с **переходом от традиционного общества к индустриальному**, возникла потребность учета исторических корней многих явлений. Некоторые крупные мыслители пришли к выводу о необходимости использования исторических знаний в текущей социальной практике. "История - это для нас все, - писал один из основателей марксизма *Ф. Энгельс*, - и она ценится нами выше, чем каким-либо другим более ранним философским учением." Его конкретизировали русские марксисты *Г. Плеханов* и *В. Ленин*. Первый категорично заявлял: "Будущее способен предвидеть тот, кто понял прошедшее". Второй говорил: "Нельзя научиться решать свои задачи новыми приемами сегодня, если нам вчерашний опыт не открыл глаза на неправильность старых приемов".

На аналогичную точку зрения встали не только марксисты. Выдающийся российский историк конца прошлого начала нынешнего века *В. Ключевский* утверждал: "История учит даже тех, кто у нее не учится. Она их проучивает за невежество и пренебрежение". В начале XX в. один из наиболее оригинальных русских религиозных философов *Н. Бердяев*, размышляя о философии истории, записал: "Если бы для индивидуального человека не существовало путей приобщения к опыту истории, то как жалок, пуст и смертен по всему своему содержанию был бы человек". В середине века крупнейший немецкий философ *К. Ясперс* сформулировал тезис о том, что "настоящее совершается на основе исторического прошлого, воздействие которого мы ощущаем в себе". Он обратил внимание на необходимость учета исторического опыта, его передачи, транслирующую роль поколений в этом деле.

В конце XX в., когда многие аспекты человеческой деятельности многократно усложнились, как никогда в тугой узел переплелись вопросы прошлого, настоящего и будущего, со всей остротой встала проблема ос-

мысления исторического опыта предшествующего развития, поиска в нем корней нынешних бед, альтернатив прогресса и духовного возрождения. С одной стороны, ушло время, когда человек ограничивался романтическим восприятием истории, размышлял о пользе ее традиций, использовал их в религиозной борьбе и идеологических баталиях. Теперь пустое занятие взирать на прошлое, "добру и злу внимая равнодушно". Его надо осмыслить, понять влияние на настоящее и будущее, извлечь позитивные и негативные уроки. С другой стороны, современная наука так далеко продвинулась вперед по сравнению с эпохами Геродота и Гегеля, что ей пора дать квалифицированные ответы на поставленные вопросы. Беда, однако, в том, что если естественные науки шагнули в XXI век, то общественные в силу длительного идеологического противостояния споткнулись на пороге XX века. Отсюда гигантский разрыв между техническим и социальным прогрессом, который поставил на грань выживания современную цивилизацию.

Не имея возможности ответить за все общественные науки, остановимся на "**задолженности истории**". С нашей точки зрения она слишком долго задержалась на описательной стадии, когда другие науки, даже родственная ей география, широко используя современные методы, перешли к аналитической, прогностической функции. Такую роль историческая наука может выполнить на основе новых парадигм и нового инструментария, в частности, изучения исторического опыта и внедрения его результатов в социальную практику.

Нам представляется не случайным, что мыслители античности и средневековья писали **о поучениях истории**, а в двадцатом веке заговорили об **историческом опыте**. В данной связи уместно поставить вопрос о соотношении исторического знания и исторического опыта. Любопытно, что попытка дать ответ на поставленные вопросы была предпринята в России в канун перестройки. Тогда на страницах журнала "Вопросы истории КПСС" состоялась широкая дискуссия на заданную тему, которая высветила как сильные, так и слабые стороны отечественной историографии. В конечном же счете она не дала искомых результатов, поскольку вся дискуссия свелась к абсолютизации опыта КПСС, подмене российских и мировых закономерностей исторического процесса историко-партийными догматами. В потоке нарастающих перемен, а затем

развала партии и государства дискуссия была свернута без каких-либо заключительных итогов.

Между тем проблема изучения исторического опыта для России остается очень важной, так как страна переживает один из труднейших этапов своей истории. Вопрос стоит так: либо продолжать идти "вслепую", ухватившись за чьи-то фалды, путем гигантских растрат человеческой энергии, природных ресурсов, финансовых средств, путем скачков и попятных движений, зигзагов; либо научиться извлекать опыт из своей богатейшей истории, соотносить его с общечеловеческими ценностями и на этой основе выработать оптимальные пути развития.

Вернемся к принципиальному для нас вопросу о соотношении **объемов понятий "историческое знание" и "исторический опыт"**. Их нельзя стихийно отождествлять. Имея единое объективное основание в реальном историческом процессе, эти категории предполагают различные целевые подходы к его осмыслению и, следовательно, различные результаты исследования. Исторический опыт можно рассматривать как составную часть исторического знания, ретроспективную оценку прошлого в его отношении к последующему развитию и итогам этого развития с позиций современной социальной практики. Такой подход позволяет осмыслить историческую ситуацию не просто как свершившийся факт, а как сложную вероятностную взаимосвязь между возможностью и действительностью, между прошлым и настоящим, то есть исследовать объективно заложенные в историческом процессе альтернативные варианты, позитивные и негативные решения, прогрессивные и регрессивные тенденции, возможность их проявления в будущем.

Для наглядности можно привести несколько конкретных примеров. С точки зрения исторического знания важно и интересно проследить все перипетии падения Римской империи. С позиций же исторического опыта существенны основные закономерности могущества и гибели империи, так как их можно соотнести с положением в других государствах, сделать выводы о закономерностях распада и последовательности действия его механизма, на основе чего возможно прогнозирование соответствующих ситуаций. При этом изучающего исторический опыт меньше интересуют идеологические или историографические традиции в оценке случившегося. Для него важны прежде всего технология процесса, его механизм, движущие силы, сроки осуществления. Или другой

пример из той же Римской империи - бои гладиаторов. Здесь не существуют многочисленные аксессуары, важны психология насилия, тактика ее культивирования, а потом отторжения. Возможны примеры иного свойства. Вряд ли для концепции звездных войн интересны технология производства каменных орудий первобытных охотников или тактика дружины Ермака при покорении Сибири, но то и другое важно при изучении адаптации человека к условиям обитания. Отсюда главный вывод - для исторического опыта в отличие от исторического знания необходим прежде всего практический результат исследования.

Устоявшегося определения самого понятия "исторический опыт" не существует. Оно нередко опять-таки отождествляется с историческим знанием или сводится к идеологическим штампам. Для того чтобы выйти из порочного круга тавтологии, необходимо взять за основу четкие отправные параметры, которые могут составить концептуальную базу определения. С этой целью предлагаем рассматривать исторический опыт как: объективную реальность исторического процесса, отраженную в сознании человека, причем в той ее части, которая имеет прямое отношение к проблемам современности; концентрированное выражение социальной практики прошлого; систему закономерностей, отражающих функционирование социума в окружающей среде; преемственность знаний и умений поколений.

В связи с первой позицией можно вспомнить высказывание *Ф. Броделя*, который считал, что "история - это прежде всего ответ на вопросы ..., которые нам ставит каждое новое поколение". Это отнюдь не конъюнктура, а реалистическая оценка выдающимся историком современности запросов новых поколений о своем месте в жизни. В том же контексте стоит учесть рекомендацию *В. Ленина* сосредотачиваться "не столько на описании того, что мы пережили, сколько на тех указаниях опыта, которые мы получили и должны получить для нашей непосредственной практической деятельности". Если Бродель акцентирует внимание на требованиях современности к историкам, то Ленин задает практический ракурс реализации этих требований. Вторая и третья позиции с нашей точки зрения не требуют особых доказательств, потому что изначально речь идет об историческом опыте социума и его взаимодействии с окружающей средой, а не истории природы или техники.

Четвертая позиция фиксирует носителя и транслятора исторического опыта. Эту роль даже основоположник классовой теории *К. Маркс* отводил не классу и не партии, а естественному человеческому поколению. Каждое новое поколение, по его мнению, с одной стороны, наследует и осваивает опыт предшествующего, то есть "продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой - видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности". Такой подход не только определяет субъекта исторического опыта, но характеризует диалектику трансляции этого опыта, подчеркивая роль народных масс в истории.

Синтезируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что исторический опыт - это преемственность знаний и умений поколений, концентрированное выражение социальной практики прошлого и функционирования социума в окружающей среде, ориентированные на выявление закономерностей общественного развития, на получение знаний, обеспечивающих повышение обоснованности решений проблем современности.

Типология исторического опыта связана со временем, местом и субъектом действия. Типология по времени может строиться от конкретного исторического события до исторической эпохи. Наиболее распространенными являются периодизации по цивилизациям или формациям. Типология по месту столь же широка - от конкретного региона до части света. Чаше всего фигурируют природно-климатические зоны или страны. Типология по субъекту еще шире - от личности и коллектива до специфической культуры, государства, класса. Поскольку для изучения опыта приходится брать объект на пересечении всех трех координат, то возникают большие трудности для комплексной типологии.

В этой связи целесообразно обратиться к ее упрощенному варианту - опыт в широком и узком смысле слова. Под историческим опытом в широком смысле можно понимать мировые, цивилизационные или формационные закономерности отдельных государств или группы государств. Исторический опыт в узком смысле слова касается прежде всего локально-исторических процессов, ограниченных в пространстве и времени. Нередко исторический опыт в широком и узком смысле слова в силу диалектического единства переплетается, локально-исторический опыт при определенных условиях перерастает во всемирно-историче-

ский. Поэтому, изучая местный опыт, историк не только выясняет общее и особенное, но иногда выходит на общен исторические закономерности.

Исторический опыт по своей сути полифункционален. **Из большой совокупности функций мы выделяем в первую очередь три: экспертную, компаративную и прогностическую**, что связано с их особой актуальностью в современных условиях. **Экспертная** функция предполагает оценку уровня развития государства, региона, институциональной структуры или человеческого сообщества на предмет их соответствия современным требованиям, выявления неиспользованных альтернатив развития и оправдавших себя форм деятельности, а также негативных факторов, уяснения корней близких и дальних ошибочных решений, различного рода пережитков, тормозящих прогресс. В совокупности такой подход позволяет сформулировать долговременные тенденции развития, учесть закономерности их проявления, показать причины устойчивости или нарушения сложившихся форм деятельности, проследить реакцию населения на сохранение или уничтожение старых форм жизнедеятельности и внедрение новых.

Компаративная функция должна обеспечить сравнение уровня, путей и методов развития сопоставимых объектов как внутри страны, так и за ее пределами с тем, чтобы учесть, позаимствовать опыт соседей и отдаленных территорий. Такая конвергенция опыта имеет принципиальное значение, особенно для отстающих стран и регионов. Причем, сравнение приходится иногда проводить между заметно различающимися природно-климатическими, социально-политическими и временными условиями. Важно только своевременно выявить и правильно адаптировать ценные крупницы опыта.

Прогностическая функция исторического опыта тесно связана с двумя предшествующими и вытекает из них. Она наиболее ответственна, сложна и менее отработана на практике. Тем не менее имеются прецеденты удачных социально-политических прогнозов, основанных на глубоком знании основополагающих тенденций исторического процесса. Существуют такие ситуации, которые в подавляющем числе случаев разрешаются только так, а не иначе. Их необходимо учитывать, тщательно просчитывать и своевременно предупреждать для того, чтобы оптимально уменьшить негативные последствия.

А теперь рассмотрим названные функции на конкретном историческом материале. Экспертную функцию, с одной стороны, можно иллюстрировать бесчисленными примерами, а с другой стороны, через нее надо пропустить многие, казалось бы, хорошо известные факты для того, чтобы услышать их новое звучание, извлечь из них необходимые уроки. Чем шире исторический диапазон экспертизы, тем выше уровень обобщений, более того по Ясперсу: "Лишь история человечества в целом может дать масштаб для осмысления того, что происходит в настоящее время". На первый взгляд это невыполнимая задача, но если учесть, что на протяжении известной нам истории человечества прошла лишь сотня поколений, которые не очень изменились по своим биологическим и психофизическим свойствам, то ее можно считать в принципе решаемой.

При всем многообразии и специфических проявлениях исторического опыта общественного развития выясняется, что ряд закономерностей действует с некоторыми коррекциями относительно постоянно. К их числу относятся взаимодействие между обществом и природой, между производительными силами и производственными отношениями, взаимосвязь между поколениями и политическими режимами, между уровнем благосостояния и культуры.

Попытаемся это проследить на примерах России, отталкиваясь от самых горячих точек недавней перестройки и нынешних реформ. Само понятие "перестройка" фигурирует в русском политическом лексиконе давно. *В.Ключевский* в "Курсе русской истории" утверждает, что она началась в нашем отечестве в XV в. и прошла несколько этапов, главным содержанием которых была борьба между отживающими национальными традициями и западными инновациями. Он же предупреждал: "Природа нашей страны при видимой простоте и однообразии отличается недостатком устойчивости: ее сравнительно легко вывести из равновесия". На практике так случалось неоднократно, многие районы переживали экологические кризисы. Сведение лесов и безоглядная распашка полей ставили на грань экологической катастрофы не одну этническую общность. Если бы советские политики и экономисты знали этот печальный опыт не понаслышке, вряд ли бы они пошли на столь непродуманное освоение целины, уничтожение лесов и водоемов в XX в.

Во взаимодействии между производительными силами и производственными отношениями одну из ключевых позиций занимает рынок. Се-

годняшние жаркие споры вокруг него могли быть более продуктивными, если бы тщательней учитывался исторический опыт России. В отличие от Западной Европы здесь всегда было сильно государственное начало в руководстве экономикой и, что очень существенно, господство натурального, нетоварного по сути хозяйства. Сталинская командная система волевым путем сломала складывающийся рынок, но надо иметь в виду, что для этого были очень серьезные естественно-исторические предпосылки, которые и сейчас не стоит сбрасывать со счетов.

Прогресс в России часто насаждался силой, путем революций сверху, нередко более кровавых, чем снизу. Через определенное время они сменялись глубоким застоєм, что ставит под вопрос эффективность такой политической практики. Достаточно вспомнить преобразования Ивана Грозного, Петра I и Сталина, чтобы убедиться в этом. Объяснить такой феномен не просто. Видимо, надо учитывать срединное положение мировой державы между европейской и азиатской цивилизациями, необходимость оперативно реагировать на изменения то с одной стороны, то с другой стороны (эффект буфера) в ситуации инерционности огромной страны с многообразием природно-климатических и социально-экономических условий, а также с недостаточно высоким уровнем политического и культурного развития значительной части населения.

Советский исследователь А.Ахиезер подметил, что длительное существование на российской почве типологически различных цивилизаций привело к состоянию перманентного раскола в обществе, как следствие хронически незавершенных модернизаций. Раскол выступает как этнокультурный конфликт, свидетельствующий о наличии нескольких субкультур, обладающих своими ценностями, тяготеющими к разным путям общественного развития. В результате общество шарахается из одной крайности в другую, попадая на историческое бездорожье и обрекая своих членов на постоянное воспроизводство нищеты и разрухи. Получается так, что кризис отсталости сменяется либеральными реформами, затем наступает всеобщий кризис, который так или иначе вырождается в диктатуру.

Широко известно, что политическая надстройка в России веками держалась на мощном чиновничьем аппарате. С одной стороны, это следствие слабости экономических и юридических рычагов управления, с другой стороны - привычка народа к подневольному труду (надсмотрщи-

ку), начиная с татаро-монгольского ига, через крепостничество к сталинскому внеэкономическому принуждению. Глубоко укоренившаяся покорность администрации до сих пор сковывает творческие силы народа, его инициативу и деловую сметку. Очевидно, что истоки советской ведомственности надо искать не в большевистских наркоматах, а гораздо глубже. Еще в допетровские времена существовали Посольский, Счетный, Хлебный приказы, Приказ тайных дел. Все это сильно напоминает Агропром, КГБ и другие коммунистические организации.

Замечено, что крутые повороты в русской истории происходят через 20-30 лет: 1801 (убийство Павла I и принципиальные изменения во внешней и внутренней политике), 1825 (восстание декабристов), 1856-1866 (подготовка и проведение буржуазных реформ), 1881 (начало контрреформ), 1905-1907 (первая российская революция), 1917 (Февральская буржуазная и Октябрьская социалистическая революции), 1937 (сталинские репрессии), 1953-1956 (смерть Сталина и начало десталинизации), 1982-1985 (смерть Брежнева и вступление в перестройку), т.е. при смене поколений, что можно объяснить авторитарностью политического режима, когда одна генерация руководителей заменялась другой. В странах с большими демократическими традициями столь резких колебаний не наблюдается. И тем не менее с историческим интервалом в одно поколение нельзя не считаться.

Печальные параллели можно провести между уголовщиной начала и конца XX века. Временное правительство, выпустив в марте 1917 г. из тюрем сотни тысяч заключенных, не подозревало, что значительная часть из них быстро приспособится к новому режиму, вольется в него. Уголовники, признавшие большевиков, встали в партию и даже Чека. Кто не сделал этого, тот был уничтожен тем же Чека. Так слилось политическое и уголовное. Часть разбойников стали чиновниками, а часть чиновников стала разбойниками. Нечто похожее происходит в современной России.

Если посмотреть на Россию с геополитической точки зрения, то значительную часть своей истории она была уравнивающей силой не только в Европе, но и в Азии. Называя ее жандармом Европы, советские историки набрасывают тень на то обстоятельство, что в большой степени благодаря ее влиянию на протяжении ста лет (1815-1914 гг.) в Европе поддерживался мир (за исключением кратких вспышек войны, которые она опять-таки помогала локализовать). Даже азиатское соперниче-

ство России и Англии ,по определению *И.Ильина* ,было самым парадоксальным "сотрудничеством в мировой истории". Почему это делалось? Да потому, что по расчетам *В.Ключевского* ,предшествующие две трети истории русский народ воевал, отстаивая свою независимость от агрессивных соседей с Востока и Запада ,и одновременно занимал вмещающий ландшафт Евразии, тормозя хозяйственный и культурный рост Отечества. Аналогичная ситуация сложилась в середине XX в., когда сломив германскую, да и японскую агрессию, добившись военного паритета с США, Россия объективно содействовала мировому равновесию, которое нарушилось с развалом Советского Союза, что чревато непредсказуемыми последствиями.

Из приведенных примеров вытекает непреложный вывод о том, что в преддверии крупных социально-экономических преобразований необходимо не только понять их своевременность и соответствие мировой практике, но и правильно оценить свой собственный предшествующий опыт, историческую обусловленность и причины живучести тех явлений, которые предстоит искоренить. В противном случае они будут воспроизводиться вновь и вновь. Не менее тщательно следует относиться и к сбережению положительного опыта.

Компаративная функция лучше всего прослеживается в длинных волнах исторического времени. Убедительно это делает *К.Ясперс* в своей концепции осевого времени, (800-200 гг. до н.э.) сравнивая синхронность основополагающих исторических процессов в Индии, Иране, Китае, Палестине и Греции, которые до сих пор активно проявляются в жизни многих народов, прежде всего в религиях, оказывающих и поныне огромное влияние на все стороны жизни населения планеты. С таких же позиций можно посмотреть на выводы, вытекающие из великих географических открытий, образования централизованных государств в Европе, переход от традиционного к индустриальному обществу. Особенно важно последнее, поскольку оно до сих пор определяет основополагающие параметры жизни многих стран и народов. С позиций исторического опыта во всем этом важны не отдельные явления и факты, имена, а генеральные закономерности процессов, одновременно протекающих в разных странах, для того чтобы оценить позитивный и негативный опыт, понять его влияние на последующее развитие, получить возможность обмениваться им.

На каждом историческом этапе, в каждой стране, в каждом конкретном деле есть необходимость сравнения, соотнесения своих результатов с аналогичными в другой эпохе, в другой стране, у другого исполнителя, для того чтобы проверить правильность избранного пути, а при необходимости позаимствовать у соседа лучшие решения. К числу таких неотложных задач в сегодняшней России относятся: оптимальное государственное устройство, соответствующее чаяниям народа и современным реалиям; эффективная экономика, учитывающая особенности географического положения и предшествующего этапа развития страны, отвечающая мировым стандартам; духовное возрождение народа, основанное на национальном менталитете и достижениях мировой культуры. Наибольшего успеха в их решении можно добиться только умело сочетая свой и мировой опыт. Следовательно, без компаративных исследований не обойтись.

Убедиться в прогностической функции исторического опыта труднее, поскольку мы привыкли к тому, что свершившееся не повторяется, оно принадлежит только прошлому, а не будущему. А если посмотреть с другой стороны - все ли альтернативы прошлого исчерпали себя к настоящему, не может ли какая-то из них пробить себе дорогу в новых условиях. От своевременного и правильного ответа на этот вопрос, имеющий значение прогноза, может зависеть многое. Яркий пример тому - проблема индивидуальной трудовой деятельности, рынка и товарно-денежных отношений, борьбы с феодальными и капиталистическими пережитками в СССР. Все это, считавшееся на протяжении трех четвертей века безвозвратно ушедшим в прошлое, возродилось с новой силой на наших глазах. По - другому, видимо, и не могло быть, потому что названные категории человечеством не изжиты. Они рано или поздно должны были дать знать о себе, несмотря ни на какие административные запреты. А сколько еще таких или аналогичных явлений не только в России, но и в других странах? Их надо знать, предвидеть, чтобы не быть застигнутым врасплох, вовремя ответить на вопрос: какие возможности или опасности для современного развития таит в себе прошлое?

Читатель вправе спросить: а известны ли конкретные примеры исторических прогнозов? Да, известны. Первым, разработавшим такой прогноз, называл себя известный немецкий философ *О. Шпенглер*. В 1835 г. американец *А. Токвиль* писал: "В настоящее время существуют на зем-

ле два великих народа, которые начав с различных точек, приближаются, по-видимому, к одной цели: это русские и англо-американцы. Оба они выросли незаметно; и когда взоры людей были обращены в другую сторону, они вдруг заняли место в первом ряду между нациями, так что мир почти в одно время узнал и об их появлении, и об их величии ... для одного главное средство действия есть свобода, для другого - повиновение. Их исходные точки различны; и одинаково каждый из них предназначен, по-видимому, тайной волею провидения держать когда-нибудь в своих руках судьбу половины мира." Это предвидение сбылось к середине следующего века. Менее чем через треть века оправдалось предупреждение *Ф.Энгельса* об опасности первой мировой войны.

Стали реальностью трагические пророчества о судьбе России в XX в. В 80-х гг. XIX в. русский философ *К.Леонтьев* предсказал грядущую революцию в России, которая, по его мнению, должна была быть не либеральной, а коммунистической. Она низвергнет либерально-буржуазную интеллигенцию, а русский коммунизм увлечет народы Востока и начнет истреблять буржуазный мир Запада. Чувствуя неотвратимость такого развития событий, их прорицатель предложил русскому царю ввести коммунизм сверху. Прав оказался историк *В.Ключевский* в том, что Алексей (сын последнего российского императора Николая II) править не будет. Отречение Николая II от престола за себя и за сына, дальнейшее уничтожение династии Романовых в 1918 г. стало прологом самого страшного кровопролития в истории России.

В.Ленин на рубеже веков обосновал возможность победы социалистической революции в одной отдельно взятой стране и подтвердил это на практике Октябрьского переворота 1917 г., а *Г.Плеханов* доказал невозможность построения реального социализма в ней. *Л.Толстой* предупреждал, что если в России рухнет вера, то она на долгие годы превратится в царство денег, водки и разврата. Так и случилось, когда дважды рушилась вера, сначала в православие и царя, а затем - в социализм и коммунизм. У этих прогнозов не было современного научного инструментария, но они опирались на прочный фундамент исторического опыта России.

Поражают глубиной реалистичности прогнозы выдающегося русского религиозного мыслителя *И.Ильина*, относящиеся к середине нашего века. Приведем один из области внутривнутриполитической, другой - внешнеполитический. В первом случае он предупреждал: "... если что-нибудь

может нанести России, после коммунизма, новые, тягчайшие удары, то именно упорные попытки водворить в ней после тоталитарной тирании демократический строй. Ибо эта тирания успела подорвать в России все необходимые предпосылки демократии, без которых возможно только буйство черни, всеобщая подкупность и продажность и всплывание на поверхность все новых и новых антикоммунистических тиранов, наподобие того как это было в Древней Греции во время Пелопонесских войн, в Риме в эпоху так называемых "цезарей" ... и в Италии в эпоху Возрождения с его свирепыми "кондотьерами", лишенными патриотизма, чести и совести ..."

В другом случае *И.Ильин* акцентировал внимание на том, что посткоммунистическое расчленение России "явилось бы невиданной еще в истории политической авантюрой, гибельные последствия которой человечество понесло бы на долгие времена ... в нашу эпоху в этот процесс будет втянута вся вселенная. Территория России закипит бесконечными распрями, столкновениями и гражданскими войнами, которые будут постоянно перерастать в мировые столкновения". По его подсчетам, в этом случае возникнет "до двадцати отдельных "государств", не имеющих ни бесспорной территории, ни авторитетных правительств, ни законов, ни суда, ни армии, ни бесспорного национального населения. До двадцати пустых названий. Но природа не терпит пустоты. И в эти образовавшиеся политические ямы, в эти водовороты сепаратистской анархии хлынет человеческая порочность: во-первых, вышколенные революцией авантюристы под новыми фамилиями; во-вторых, наймиты соседних держав; в-третьих, иностранные искатели приключений, кондотьеры, спекулянты и "миссионеры". (Перечитайте "Бориса Годунова" Пушкина и исторические хроники Шекспира)". "Не умно все это, - подводит он итог. Не дальновидно. Торопливо в ненависти и безнадежно на века. Россия не человеческая пыль и не хаос. Она есть прежде всего великий народ, не промотавший своих сил и не отчаявшийся в своем призвании. Этот народ изголодался по свободному порядку, по мирному труду, по собственности и по национальной культуре. Не хороните же его преждевременно! Придет исторический час, он восстанет из мнимого гроба и потребует назад свои права!"

Последовательное использование выше рассмотренных функций, а в конечном счете синтез их методов способны обеспечить высокий уро-

вень изучения исторического опыта в разных областях человеческой деятельности. При этом надо иметь в виду, что абстрактного, застывшего опыта, пригодного на все случаи жизни, не существует, потому что сам он по мере развития человечества постоянно обогащается, видоизменяется, дифференцируется.

Со сменой приоритетов общественного развития меняется ракурс осмысления предшествующего опыта. В период возрождения из античной культуры заимствовалось одно, в новое время - другое. Русские декабристы высоко ценили опыт американской конституции и пытались его адаптировать к России начала XIX в., а большевики через сто лет отвергли его как пройденный этап буржуазного развития. В современных условиях Россия снова обращается к ней, накапливая опыт парламентаризма.

Отсюда следует, что необходимым требованием исследовательской процедуры является анализ конкретного опыта истории, соотнесенного с условиями места и времени, с определенным субъектом, с реальным уровнем социальных возможностей в конкретную историческую эпоху. Некритическое перенесение современных представлений о возможностях общества на прошлые эпохи может привести к модернизации исторического процесса, неверной оценке самого содержания исторического опыта. И, наоборот, попытки применения использовавшихся в прошлом подходов без учета кардинального изменения условий развития будет неизбежно носить искусственный, отвлеченный от действительных проблем характер.

Средством освоения опыта являются уроки истории. Они позволяют глубже понять прошлое, его позитивные и негативные результаты, связь с настоящим, воздействие на будущее. Чтобы урок исторического опыта был предметным, он в отличие от исторического знания, задающегося вопросами: что и кто, где и когда? (что свершилось, кто это сделал, где и когда произошло?), должен отвечать на два главных вопроса: почему и как? (почему произошло именно так, а не иначе, как это отразилось на настоящем и повлияет ли на будущее?). Следовательно, исторический опыт идет от знания факта и события к исторической закономерности. Если историческое знание ограничивается объяснением явлений и тенденций исторического процесса, то исторический опыт ставит задачу выявления стабильных закономерностей этого процесса,

механизма их действия для того, чтобы учесть в практике совершенствования настоящего и будущего.

Процедура извлечения уроков исторического опыта предусматривает соотнесение целей и результатов деятельности, оценку оптимальности конкретного выбора субъектом целей развития и средств их реализации, а также степени их адекватности назревшим общественным потребностям. Структура предмета исследования исторического опыта зависит от конкретного объекта, а задачи его изучения предусматривают выявление социальных потребностей развития; характеристику процесса осознания этих потребностей; выбора целей развития; уяснения средств и способов их достижения; исследование деятельности по регулированию и управлению развитием; определение итогов, основных тенденций и этапов развития; оценку эффективности управления этими процессами.

Результаты изучения исторического опыта могут быть оформлены в виде монографий, аналитических обзоров для заинтересованных организаций, специальных моделей. Однако по причине того, что исторический процесс неповторим, а историческое время необратимо, создание моделей очень сильно затруднено. Важно иметь в виду и то, что исторический опыт не может дать готовых рецептов для современности. Как правило, его обобщение предполагает не столько проведение прямых аналогий или воспроизведение прошлых моделей социальной деятельности, сколько использование аналогий позитивных и негативных путей решения данной проблемы. С этой точки зрения особую ценность представляет нахождение закономерных связей исторических явлений, определение характера взаимодействующих сил исторического процесса на различных этапах. На этой основе есть возможность оценить средства и механизмы прогрессивных социальных изменений, а также факторы, влияющие на отклонение результирующих итогов деятельности от первоначально намеченных целей.

Работа по изучению исторического опыта в силу своей неординарности, масштабности и оперативности требует **новой организации**. Она не может ограничиться традиционным написанием кандидатских и докторских диссертаций по стародавнему пименовскому принципу "еще одно последнее сказание - и летопись окончена моя". Наш пятнадцатилетний опыт изысканий в данной области показывает, что наиболее перспективным является программно-целевой подход. На его основе разработа-

на научно-исследовательская программа "Исторический опыт регионального развития", которая на протяжении последних шести лет реализуется Институтом истории и археологии Уральского отделения Российской Академии наук.

Из программы вытекает несколько конкретных исследовательских проектов. Особый интерес вызывает сравнительно-историческое исследование социальной организации российской и шведской металлургии в условиях protoиндустриализации, исторический опыт русского казачества по освоению Азиатской России, социокультурное развитие российского Севера. Начата реализация нового крупного международного проекта, посвященного компаративному изучению российского и европейского регионализма. В его разработке принимают участие три академических института и два университета, включены силы историков, экономистов, юристов, социологов, экологов. Именно на стыке наук ожидаются наиболее интересные результаты, крайне важные для современной России.

В условиях глобального кризиса, который переживает современное человечество, когда опасности и возможности его самоуничтожения очень высоки, одним из важных факторов выживания может стать исторический опыт, который аккумулирует в себе мудрость и трагические ошибки предшествующих поколений, народов и целых цивилизаций, ставших жертвами пренебрежения к своему великому прошлому. В этом смысле исторический опыт можно уподобить водителю современного автомобиля - едет вперед, но постоянно смотрит в зеркало заднего вида.

**Вениамин Васильевич
Алексеев**

Исторический опыт как предмет изучения

Перевод на англ.яз.
Е.В.Алексеевой.

Компьютерный набор
М.А.Столяровой.

Верстка
А.Ю.Яценко.

Подписано в печать 17.08.95г. Формат 84х108/32. Бумага писчая.
Физ.п.л. 1,0. Тираж 500 экз. Отпечатано в издательстве.

Банк культурной информации: 620026, Екатеринбург, ГСП-340,
ул.Р.Люксембург,56. Институт истории и археологии УрО РАН, БКИ.
Факс +7 (3432) 22-15-46.